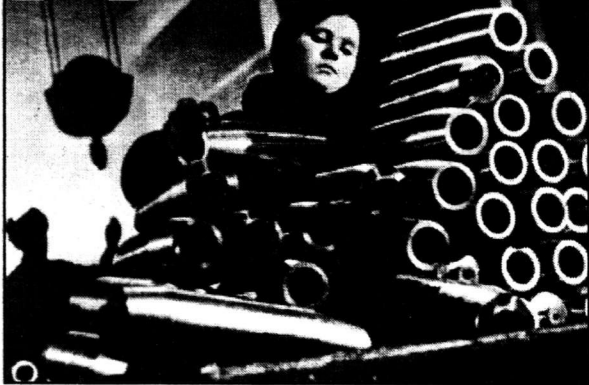

ДЕТИ ВОЙНЫ

Пяти-шестилетние мальчишки восприняли начало войны не так, как взрослые. В то время ребятня всюду увлекалась военными играми в «белых» и «красных», а потому и думалось многим, что взрослые тоже решили поиграть в войну. Но вскоре мы окунулись в водоворот этой трагедии и вмиг повзрослели...

Наш дом стоял на правом берегу Волги напротив Сталинграда. Из окна квартиры видна была небольшая площадь, на которой находилась офицерская столовая, знаменитая тем, что в ней в свое время откушывали наши вожди. Однажды туда приезжал и самый главный, ему по поручению взрослых мы вручали цветы. Всех нас одели в модные по тому времени матроски и построили перед входом. Машин примчались неожиданно, и гости прошли по коридору из солдат, а мы не растерялись: каждый вручил свой букет кому следовало. Нас одарили конфетами и потренировали по головкам. Лишь на некоторое время с ребятами задержались С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов. Организовывали это мероприятие женщины из гарнизонного женсовета, где председателем была моя мама. Об этом она помнила всю жизнь и рассказывала много раз... В то время сын главного вождя

учился и проходил практику в этом гарнизоне, о чем все знали. Вождь спросил, как учился и живет его сын, на что руководители ответили: сын живет в отдельной квартире, имеет автомобиль ЗИС-101 и питается в офицерской столовой. Сразу после отъезда высоких гостей сын вождя был переведен в казарму, лишен автомобиля и обедал вместе со всеми...

При первом налете немецких бомбардировщиков запылал тракторный завод. Мы смотрели на пожарище обезумевшими глазами. На другой день бомба попала в здание легендарной столовой, и мы видели, как люди тащили оттуда муку, крупу, сахар, масло, мясо. Но мародерство быстро прекратилось: пришли солдаты и некоторых мародеров навечно положили тут же. Это были первые смерти на наших глазах.

Отцы наши воевали, и мы о них ничего не знали. Под окнами нашей квартиры установили зенитную батарею. Началу от ее стрельбы мы не могли спать, а потом настолько привыкли, что просыпались от тишины.

В окнах дома практически не было стекла, настолько частыми были бомбежки. Началась эвакуация детей и женщин гарнизона, но мама решила не уезжать до тех пор, пока не узнает, что с папой. Мы спали одетыми, чтобы быстрее сбегать в бомбоубежище, двери не закрывались ни днем, ни ночью. В городе почти не осталось гражданского населения. Както ночью в квартиру вошли двое обросших и грязных военных. Одним из них был наш отец. Взрослые схватили три узла, и мы выбежали на улицу, где у дверей стояла «Эмка». По горящим улицам папа повез нас на пристань, там стояла готовая к отплытию баржа. Погрузились на па-

лубу, и катер потянул ее по Волге. Отец остался на берегу с двумя солдатами, вскоре их силуэты исчезли во мраке, а зарево над городом еще долго освещало нам путь.

К концу сентября прибыли в Кустанай, нас направили в пригородный свиноводческий совхоз, но животных там не было, а в основном жили женщины и дети. Мужчин было двое: директор совхоза, вернувшийся с фронта без руки, и дядя Миша — инвалид без обеих ног. Были здесь и ссыльные из Чечено-Ингушетии, которые почему-то часто дрались между собой, но русских не трогали.

Эвакуированных было много: здание школы так переполнено, не было места даже на крыльце. Мы разместились на улице под открытым небом, а через пару дней проснулись под снегом, накрытые брезентом проходными солдатами.

Через четыре дня к нам подъехала тележка на колесах, где сидел мужчина без ног, толкала тележку его жена. Они нас взяли к себе — им солдаты выкопали землянку. Это была обыкновенная яма 2х3х1,7 м с вертикальной лестницей. Здесь мы влятером и перезимовали. Поначалу питались семечками, которые дяде Мише выдавали в совхозе, а позднее нам дали карточки — две иждивенческие и одну рабочую: мама к тому времени стала работать, на всех получало по 800 граммов хлеба в день. Весной мы с братом тоже пристроились к делу, и жизнь стала лучше. Пошли в школу. К концу войны за нами приехал солдат, и мы покинули этот край. День Победы встретили в Пензе, где в госпитале лежал наш отец...

Война сделала нас взрослыми в семь-десять лет, многому научила. А главное — вдохнула в нас веру в подчас совсем незнакомых людей. Низкий поклон им за то, что мы жили и стали взрослыми. И горько, что спустя 55 лет мы живем без прежнего духовного взлета, рвем друг у друга сердца, веру, любовь и надежду.

Л. ЗАВОЙСКИЙ.

Последние шаги к Победе

Афанасий Алексеевич Горобец увлеченно рассказывает о том, как штаб дивизии, которая штурмовала рейхстаг, где он занимал должность помощника начальника артснабжения, располагался на личной даче Германа Геринга в 17-и

километрах от Берлина и как американский офицер настойчиво просил его обменять орден Красной Звезды на новенький «Виллис».

Это будет потом. А во время штурма рейхстага А. А. Горобец находился на командном пункте и стоял рядом с командиром 150-й Идрицко-Берлинской ордена Кутузова II степени стрелковой дивизии генерал-майором В. М. Шатиловым.

«Афанасий Алексеевич, — прошу я его, — расскажите более подробно о штурме рейхстага».

«Горжусь тем, что именно нашей дивизии была поставлена задача штурмовать рейхстаг, — после паузы говорит он. — Штурм рейхстага начался в 13 часов 30 минут. В результате шквального огня наши подразделения были прижаты к земле. Таким образом, первый штурм не удался.

Повторный штурм рейхстага начался в 18 часов 30 апреля. Под прикрытием огня нашей артиллерии бойцы батальона С. А. Неустроева бросились в атаку. Атаку возглавили парторг И. Я. Сьянов и заместитель командира батальона А. П. Берест. В едином порыве с батальоном Неустроева поднялись в атаку и другие батальоны. Порыв наших воинов враг сдержать не смог. Через несколько минут наши подразделения достигли рейхстага, и на его здании появились красные флаги.

Знамя Военного Совета 3-й ударной армии было поручено водрузить полковому разведчику М. В. Кантарии и М. А. Егорову. При поддержке роты И. Я. Сьянова разведчики взобрались на крышу здания рейхстага и водрузили знамя.

Утром 2 мая фашистские войска в Берлине капитулировали. В течение всего дня происходила сдача оружия. У Бранденбургских ворот были навалены кучи автоматов, винтовок, пулеметов.

В то же время наши бойцы шли в рейхстаг, чтобы расписаться на его серых, выщербленных стенах. Начальник штаба артополка А. И. Батурин, начальник артополка дивизии Н. И. Никонов и я тоже оставили свои автографы, а затем поднялись на крышу здания и сфотографировались у купола рейхстага, где трепетало наше победное знамя.

В ночь с 8 на 9 мая был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. И надо же было видеть, как простые люди Германии радовались вместе с нами.

После штурма рейхстага мы прожили в Берлине несколько дней, а затем по приказу командующего армией генерал-полковника Кузнецова наша дивизия покинула город...

В нашей беседе наступила пауза. Их было немало: воспоминания волновали Афанасия Алексеевича, заставляли как бы заново переживать события давно минувших дней. А рассказать было о чем: за плечами — война.

РОМАНОВСКИЕ

Два года назад Тимофей Петрович и Антонина Ефимовна Романовские отметили золотой юбилей совместной жизни. Воспитали двоих сыновей. Всегда приветливы и гостеприимны, рады каждой встрече с друзьями и близкими. В Магнитогорске — с 1958 года. Более тридцати лет каждый из них отдал комбинату...

Тимофей Петрович, превозмогая боль, ежедневно не менее часа занимается физическими упражнениями с гантелями. Долгие годы он является инвалидом, но об этом мало кто знает. «Зачем афишировать боль, если ты ее можешь и должен превозмочь», — таково жизненное кредо бывшего матроса Северного Флота Тимофея Петровича Романовского.

Семнадцатилетний колхозный счетовод из поселка Елюга Архангельской области Тимофей Романовский в 1943 году был призван на обучение военному делу. А через шесть месяцев уже стал молодым матросом Северного Флота.

Командование Карельского фронта и Северного Флота в этот период вело интенсивную разработку плана по разгрому мощной немецкой группировки в районе хребта Муста-Тунтури.

Под сильным пронизывающим ветром, густым мокрым снегом и непрерывными бомбежками с воздуха десант моряков с большим трудом удалось высадиться на полуострове Средний. Отсюда и началась штурм мощных укреплений хребта, здесь и получил первое боевое крещение Тимофей Романовский. Несмотря на отчаянное сопротивление гитлеровцев морякам после нескольких бросков удалось провать укрепления с флангов. Ранение в голову не остановило Тимофея. Со связкой гранат он в числе первых ворвался в блиндаж и уничтожил отстреливавшихся гитлеровцев.

Ожесточенная схватка с отборной группировкой 20-й горной не-

мецкой армии развернулась на подступах к городу Петесоту, взятие которого открывало выход на государственную границу Норвегии. Осколками недалеко разорвавшейся бомбы Романовский был ранен в руку, воздушной волной его отбросило на скалы. В бесчувственном состоянии он был доставлен в медсанбат с диагнозом «контузия спинного мозга».

После госпиталя — трехмесячные курсы переподготовки и направление в качестве преподавателя в военную школу города Сортавала... Через три года после окончания войны Романовский возвратился однажды с работы домой. Обратил внимание на стоящую у газетной витрины девушку. Познакомились: красивая, стройная, с внимательным взглядом, она сразу покорила сердце Тимофея Петровича. Вскоре они стали мужем и женой.

Начало войны застало 14-летнюю Антонину в Ленинграде, куда она в 1940 году с родителями и сестрой переехала из Псковской области. Уже в первые месяцы блокады города девушка полностью испытала все ее тяготы. Пятичасовые очереди за 125-граммовым кусочком хлеба, дежурства в подвезде и на крыше дома, холод и тьма квартиры. С содроганием вспоминает она пребывавшего несколько метров солдата, у ко-

торого осколком срезало голову, людей, падающих от голода. Незабываемы и часы эвакуации зимой 1942 года по Ладожскому озеру, когда в результате варварской бомбежки под лед уходили машины с людьми. Вместе с другими эвакуированными Антонина с больными родителями попала сначала в Череповец, затем в Вологду, Данилов, Беломорск и Петрозаводск. В 1946 году девушка после окончания курсов бухгалтеров была направлена в г. Сортавала...

Счастливая жизнь молодоженов длилась недолго. Контузия спинного мозга скоро дала о себе знать. Тимофею Петровичу пришлось перенести две сложнейшие операции. В течение десяти лет носил корсет. Сбросил. Перешел на регулярные физические упражнения. Большая сила воли и постоянная поддержка любимой жены помогли Романовскому быть всегда «на плаву».

Грудь ветерана украшают орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», медаль Жукова. А его спутница жизни бережно хранит знак «Житель блокадного Ленинграда».

Н. ДОМОЖИРОВ, ветеран труда.